

К 556

4
ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Февраль 1925 года.

№ 6 (116).

Цена №-ра 20 коп.

КРОКОДИЛ

Монтаж С. Виноградова

„В нас жив старый дух
британской гордости и чести!“.

(Из речи английского министра Чемберлена)

Рис. В. Михилова.

ЭКСПЕДИЦИЯ.

„По обследовании деревни Шапкино выяснилось, что в селе имеется ячейка РКП (б)“.

(Из корреспонденции.)

Стой!.. Ногу увязил... а чорт... стой, братцы!..
 Экспедиция остановилась. Страхнула с плеч густо севший снег... огляделась.
 — Братцы!.. да никак здесь жилье! — воскликнул один из участников экспедиции.
 — Откуда взяли? — недоверчиво возразила вся экспедиция.
 — А во-дощечка. Во-тут написано: „Деревня Шапкино... сорок дворов с населением...“ Видите?
 — Так-с! А где же дворы?
 — Дворы?.. Ногу-то вы куда увязили? Вот тут оно самое...
 Экспедиция, проваливаясь в податливом снегу, двинулась дальше.
 — Стой, стой товарищи! — обрадовался передний. — Мы, кажется, наткнулись на жилье... Дымок струится из трубы, там люди!..
 И закричал в трубу.
 — Кто здесь? Отвечай!
 В трубу вышло хриплое:
 — Шапкинский совет... А вам кого надо?
 — Живых людей! — сказала экспедиция в трубу.
 — Все живые! — ответствовала труба, — а вы же кто такие будете? Савецкие люди, аль волки?
 — Люди мы... экспедиция по обследованиям и вообще!..
 — Всенепременно ревизия! — догадались под трубой.
 — Выходите наружу! — кричала экспедиция в трубу.
 Труба отвечала,
 — Заходите до нас... нам с под снега никак невозможно выбраться до весны...
 Экспедиция всеми твердыми предметами, бывшими с ней, вгрызлась в снег и, наконец, очутилась в помещении совета.
 Направо дверь вела — в „предизиум“, а налево, в ячейку.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА.

Вернувшись со съезда в село, учитель Митюшин приобрел у крестьян еще больший авторитет...
 Не успел он отдохнуть с дороги, как к нему пришел бедный мужик Корней и сказал:
 — Как вы, можно сказать, с Михал Иванычем вместе чай откушывали и вообще, то нельзя ли... энтото... на счет выселения Курьинных, ускорить чтоб, значит?..
 — Ну, я, положим, чаю с Михаилом Ивановичем не пил... — улыбнулся учитель. — Я и видел-то его только издали. А насчет выселения помещиков из их гнезд — это было распоряжение... Я завтра же об этом в волсовете развясню...
 Корней ушел, но отдохнуть Митюшину не пришлось. Вошел Егор.
 — Доброго здоровья, Пал Палыч! С приездом вас! — поклонился он необычайно почтительно, — куда вежливее, чем прежде. — Как полагаю я, вы там с Михайлой Иванычем вместе щи хлебали и потому всю политику произошли...
 — Ну, что надо? Скорее, а то я устал. Глаза не смотрят...
 — А я хотел у вас узнать, что... войны у нас не будет?.. Потому как внук у меня...

— Тыфу ты! — рассердился учитель. — А я почему знаю?
 — Да как сказать... небось, и Алексея Иваныча там видали... опять же и Луньчарского...
 — Ну, и приставуч ты, дядя Егор! Прощай пока, мне некогда... Никакой войны не будет!
 — Ну, вот так бы давно и сказал!.. А то „не знаю“!.. — успокоился Егор.
 Еще не успел он переступить обратно порог, как ему навстречу прошмыгнула женщина.

В ЕВРОПЕЙСКОМ РАЮ.

— Гражданка, вот ваш хлеб. Он с оит тридцать су. Берите его скорее, а то он может еще вздорозать!
 (Из фр. журн. „Le Rire“).

Дощечка на двери гласила: „Ячейка РКП (б.) она же — комсомол“.
 — Ишь ты! — поразились экспедиция... — Кто бы мог подумать, что здесь в глуши, под снегом...
 Экспедиторы открыли дверь ячейки и чиркнули спичку, ибо каганец слабо освещал помещение. Члены ячейки сидели на лавках и понемножку „ликвидировали грамотность“: скуривали букварь.
 — Дискуцию мы тут ведем! — объявили они, разговорившись с вошедшими.
 — Дискуссию? — заинтересовалась экспедиция. — Это интересно... о чем же вы дискусируете? О внутрипартийном строительстве?
 — Не... где уже под снегом строительствами заниматься.. У нас постройка с весны производится...
 — А... а... так о чем же вы дискусируете?
 — Да все больше по разной части... на практическую ногу... в таких смыслах, что будет дешевле: кила али аршин, ежели им ситед прикинуть? И, опять же, какое такое есть слово: „газета“?
 — А... а...
 — И еще вот бы о чем вас желательно спросить... Люди вы свежие, с воздухом... вам и книги в руки: А что взаправду там Раков насчет заемов в заграницы паясал?
 — И желательно еще нам! — заговорила хором вся „ячейка“ желательно нам узнать, — как они эти заемы, ежели получится на каждого едока или по хозяйствам будут распределяться?..
 Э... гм...
 Экспедиция недоуменно крякнула и тихонько попятилась к дверям, выскользнула наружу, — к „свету и воздуху“..
 И была такова. Вернулась экспедиция во свояси и сочинила экспедиция корреспонденцию про свои „раскопки“.
 Мол, так и так: по обследованию неожиданно оказалось, что имеется в деревне Шапкино ячейка, каковая РКП. А Шапкинец, может, по сей день под шапкой пальцем заскорозным скребет:
 — Ты меня не открывай, потому я тебе не Америка. А вот прощещай — это да, потому темные мы... И при лучине, и под солнцем — все равно темные!..

Л. Митницкий.

— Здравствуйте, Павел Павлыч! — запела она. — Ну, как вы там... чай, и Михала Иваныча, и всех видали...
 — Я хотела спросить... как вам ведомо — я с Савосьяном своим разошлась и выхожу замуж за Луку... А Савоське-то не хоцца мне форменный развод давать... Так вот я и пришла узнать, не заготовляют ли там екрета, что можно за двоими мужьями в законе состоять?
 — Нет, не заготовляют, — сердито сказал Митюшин. И обернулся к только-что вошедшему пономарю Гнусову:
 — Ты что, Михеич!
 — А я вот что... Как вы там с товарищем Семашковым в компании были, то не знаете ли, какое лучшее средство супротив емороя?..
 После пономаря пришла тетка Макрида насчет самогонной промышленности:
 — Как вы там, стало-быть, на совецкие аппараты насмотрелись...
 А за ней — председельсовета:
 — С Каменевым-Зиновьевым вы там, вот как я с вами теперь... Так какие ж, к примеру, постановления в смысле законности?..
 Отдыхать Митюшину пришлось только на другой день. Но отдохнуть он не смог: было некогда, пришли за справками и советами...
 Ф. Благов.

О ДОКЛАДАХ, О СПЕЦАХ И ПРОЧЕМ.

Я бы никогда не услышал этой истории, если бы не пиво. Но когда через главную магистраль тела в желудок льется, без ограничения времени и нагрузкой, животворная пивная струя, тогда душа человека распускается, как благоуханный цветок...

Мой сосед по столику в пивной „Кинь грусть,“ докончив девятую бутылку пива, обратился ко мне с вопросом:

— Я извиняюсь... Скажите, вы не спец?

— Спец не спец,—скромно ответил я,—но...

— Вот именно, „но“!..—с язвительной укоризной сказал мой сосед.—Где вы найдете настоящего, чистокровного спеца? Ларин, по-вашему, спец, Луначарский, по-вашему, спец?..Понимает что-нибудь Ларин в финансах? Ни чорта не понимает,—однако же, он дает советы Наркомфину! Понимает что-нибудь Луначарский в писании драм? Ни чорта не понимает,—однако же, он... Ну, словом, почему ж Ларину можно, Луначарскому можно, а мне нельзя?.. „Вы,—говорят,—неквалифицированный спец в лесном деле! У вас,—говорят,—нет достаточного стажа!..“ А у Лар...

Я заказал еще бутылку и попросил моего собеседника перейти от общих поучительных рассуждений к изложению фактической стороны событий, вызвавших его предыдущее негодование.

Он ядовито улыбнулся:

— Вам факты? Пожалуйста, хоть сто тысяч фактов!.. Я тоже не спец в лесном деле, но... Во-первых, в пятнадцатом и шестнадцатом году я работал на оборону и служил сторожем по охране железнодорожных лесных складов, а во-вторых,—я же родился организатором! Я же могу организовать где угодно, что угодно и когда угодно!.. И на советскую службу я пошел исключительно потому, что мировая революция нуждается в талантливых специалистах и организаторах. Ну, конечно, известную роль сыграли также подоходно-преимущественный, уравнительный, квартирный и прочие фокусы этого „спеца“ Сокольникова.

Пошел к Станову... Ну да тот самый, который...

— Хочешь, говорит, заведывающим лосозаготовительным отделом „Лесугля“?..

Через шесть дней я принялся за работу. Боже, как я работал за несчастные 284 рубля в месяц! Во-первых, сменил секретаря, взял одного талантливого парнишку, некоего Шамесова,—жулик астрономический!

При имени Шамесова я наострил уши и стал слушать с все возрастающим интересом.

— Уволил двух машинисток и пригласил трех стенографисток, выкинул счеты и заменил их арифмометрами. Одним словом, ставлю работу на американский лад по НОТ'у. Через две недели вызывает меня директор-распорядитель.

— Товарищ Мамакин, к следующему вторнику прошу вас приготовить к производственному совещанию доклад на тему „Перспективы разработок лесных массивов Урала“.—Я к Шамесову. Чтоб через три дня был доклад!

— Будет доклад, тов. Мамакин. Есть спец. Цена семь червонцев.

— Да разве жалко семи червонцев, чтобы создать себе репутацию? Дал. Во вторник читал доклад. Верите, слеза меня прошибла, когда я читал. Все производственное совещание в лоск положил. Видят, что имеют дело с высококвалифицированным спецом, ни слова, ни вопроса. Даже не обсуждали. Принять к сведению и никаких. Ну, думаю, положение обеспечено,—буду просить 50% нагрузки.

И что же вы думаете?.. На следующий день вызывает меня директор-распорядитель.—Во-первых, говорит, позвольте вам заметить, что вы за ваш доклад, а я, за то, что взял вас на службу, могли бы получить первую премию на конкурсе на лучшего советского дурака, а во-вторых... Одним словом, позвольте вам выйти вон. Вы не спец, и т. д. и т. п.

— Я не спец... А Ларин, а Сосновский, а Луначарский спецы...

Он уронил голову в пивную лужу и зарыдал.

Я тоже не спец по лесному делу и понимаю в нем не больше, чем астраханская вобла в международной политике Англии, но... но когда две недели тому назад Шамесов предложил мне за три червонца написать доклад на тему „Перспективы разработок лесных массивов на Урале“, я согласился. Во-первых, я могу написать доклад, когда угодно, для кого угодно и на любую тему, а во-вторых, у меня есть ботаника Отто Шмеля и география Крубера, Баркова, Григорьева и Чефранова, издания 1901 года. И я написал о могучих лесах Урала, о тихих лесных полянах, о вековых дубах и красавицах соснах. Я написал о том, какую роль играют в жизни дерева кора, древесина и сердцевина и о том, какая разница между хвойными и лиственными деревьями. Кроме того, я напустил в доклад больше иностранных слов, чем Госиздат напускает в любую популярную книжку.

В О Я К А.

Рис. К. Елисева.

В дер. Косово, Тамб. губ., милиционер на свадьбе напился пьян, буянил и махал револьвером.

— Боевая у нас милиция. За словом в карман не лазит—больше за наганом.

Результаты доклада меня поразили. Но больше всего меня возмущает подлец Шамесов. Взял за доклад семь червонцев, а мне заплатил три.

Мерзавец!!! Вот он уж, действительно, настоящий, высокопробный и высококвалифицированный „спец“.

Афэ.

„ТЕПЛЫЙ ХЛЕВ“.

Рис. Н. Купреянова.

КРЕСТЬЯНИН:—Вот, в газетах пишут, чтобы устраивать теплый хлев для скотины! А чем у меня не теплый хлев?

В ДЕРЕВНЕ.

— Скажите, где можно видеть председателя ЕПО?
— Либо в ихней собственной лавке, либо в церкви—
потому они там на клиросе поют.

ПО ПОСЛОВИЦЕ.

— Эх, опять мы—в жестком вагоне едем, а буржуй—в мягком...
— Ничего! Вспомните нзшу пословицу—„ному мягно стелют,
тому...“

Пишущий
в газете

НАДЕЖДА КИРИЛЛА.

— Уже Новый Год,—я мы все еще в этой проклятой дыре... Когда же
мы, наконец, тронемся...
— Ваше Высочество... Мне кажется, что Вы уже давно немного...
„тронулись“...

У ВИТРИНЫ КНИЖНОГО МАГАЗИНА.

— Почему это теперь делают на книгах такие хорошие
обложки?
— Для бедного класса... Во внутрь-то заглянуть дорого
стоит—денег нет, так хоть на обложку полюбуешься...

М. Б.

1.

Шеф—подшефу.

По случаю девятого полугодия со дня торжественного основания Энской железо-стальной дивизии поступили от кожевенного шефа специально для комсостава нижеследующие подарки:

1) Хромовые сапоги с наполеоновской голенищей и с тиснением на голенище, гласящем: „Да здравствует красное шефство!“

2) Парса коричневой кожи тоже с тисненым лозунгом:

— Потянись!

и 3) Кожаные портсигары с соответствующим тиснением о...

— „вреде курения“.

Комсостав обулся в новенькие сапожки, подтянулся шефским поясом и набил папиросами кожаные портсигары.

В дружеской беседе за шефским, весьма обильным яствами и возлияниями, столом был поднят тост за процветание шефства в том культурном виде, как оно есть!

А какой-то чудака занюхнул о том, что шефство должно же касаться и рядового красноармейца, но на это чудаку лозунгово возразили:

— Чудака вы чудака... Кто же так ставит вопрос: шефство основано, ведь, на культурных началах, а что общего у рядового молодняка с культурой, ежели он только еще ликвидирует неграмотность?..

2.

Широкая красноармейская конференция.

Кучка суетливых фотографов обступила начдива (он же военкомлив) и защелкала кодаками. Следующим на очереди для засемки готовился начальник штаба, за ним—начподив, командиры полков и комбаты.

— Как с командирами рот и комвзводами прикажете?—осведомлялся у заснятого начдива его пом „по строевой части“.

— Группой заснять! Расположить по рангу. Сидят впереди—комроты, стоят позади—комвзводы!

— А отделкомы?

— Отделкомы?.. Ну, это совсем низшее начальство. Их можно у группы в ногах разнести!

„Широкая красноармейская конференция“ разворачивалась во всю ширь, но подвернулся прежний чудака и задал свой чудаковский вопрос:

— А красноармеец где? Красноармейца не вижу!

На это чудаку вразумительно возразили:

— Приказов по армии, батенька, не читаете!.. Теперь каждый военнослужащий есть красноармеец, а вы говорите...

3.

„История дивизии“.

Как и подобает всякой Энской дивизии, „железо-стальная“ издала свой сборник. Очень подробно в этом сборнике были описаны все боевые операции дивизии. Портреты всего дивизионного комсостава сопровождалась жизнеописанием каждого командира, начиная с его индивидуальных черт, проявленных в утробе матери.

Списки чередовавшихся начдивов дивизии даны в алфавитном порядке и в возрастном вычислении. Нынешний здравствующий начдив представлен в следующих позах: на коне, с саблей в храброй руке; на параде; за письменным столом на фоне дислокационной карты и за обеденным столом в мирной обстановке.

Чудака перелистал этот изящно изданный сборник и сказал по своему чудаковскому обыкновению:

— Все здесь в сборнике есть, а вот для рядового красноармейца не нашлось места... Странно! Разве нет среди них героев?

Громовый хохот был ответом чудаку.

— Ах... чудака-чудака... в сборнике всего сто восемьдесят страничек, а в дивизии сколько рядовых стрелков? Как вы всех можете вместить в сборнике, чудака?!

Составил анекдоты по матерьялам с натуры Митинченко.

КАРЛ РАДЕК, известный виртуоз-исполнитель на медных инструментах.

О КОСТЕ ИЗ „ЖИРКОСТИ“.

У Кости
Из „Жиркости“
Насажено на трости
Сто различных монограмм.
У Кости
Из „Жиркости“
Бывают часто гости,—
Сто разных дев и дам.
Друзья счастлива Кости
Шипят в ревливой злости:
— Где чар его секрет?!
Хоть служит он в „Жиркости“,
Но в нем одни лишь кости,
А жиру—вовсе нет!
Друзья! Вы зависть бросьте.
Секрет достой у Кости:
Он тянет из „Жиркости“
И мыло, и духи,
Одеколон и пудру,

И кучу женской, мудрой,
Душистой чепухи.
На Костиной квартире
Разочка в три, в четыре
Дешевле женский хлам,
Чем где-нибудь в „Жиркости“.
Вот почему у Кости
Так много дев и дам.
— А трость? А монограммы?
— Здесь не повинны дамы:
Сто разных монограмм
Для ревности и злости
На тростниковой трости
Пристроил Костя сам.

Вас. Лебедев.

ПРОВОКАТОР НА СУДЕ.

Ваше имя?
— Окладский.
Ваш оклад?
— Именной.

ДЕРЕВНЯ СМЕЯЛАСЬ.

Жил был на свете советском Андрей Родин. Талантов у него — уйма. Золотой человек, на все руки мастер. К тому партийный был и шику это, значит, на себя напускал — только держись! Соберет это он, бывало, крестьян с деревни, встанет в позу соответствующую знатному человеку, и ну распинаться.

Он-де и большой человек, и Троцкий-то ему кум, и брюки-то он ему покупал на базаре, а уж Луначарский? — так это ж закадычный друг ему, заместо забулдыги родного: „Как начнет бывало Анатолий Васильевич из балетной или академических театров жизни анекдоты рассказывать, — так я ему только: брось, Толька, люблю я тебя да и только“.

„А грузин с сердитыми усами, что заместо Ленина теперь остался, позовет меня по телефону к себе, посадит на мягкий стул, да и ну расспрашивать: как живут крестьяне на деревне и тому подобное. А я ему и то и се“.

Шик напустил Андрей на всех крестьян — ох сколько! Ну как же не признать и не почувствовать уважения к такому партийному, с которым все на „тыканье“ и за стол в угол сажали которого.

Ну, раз брюки Троцкому покупал, то, стало-быть, дело делать умеет. И приятно было деревне такого политического борца за революцию иметь. А он, парень развязный, деловой, возьми да и организуй коммуны с громким названием „III Интернационал“.

Сначала было это так. Придет праздник престольный, или обыкновенный какой, соберутся члены коммуны, чтобы единение показать и начнут устанавливать смычку друг с другом. Обнимут друг-друга, обхватятся, станут посереде улицы широкой, деревенской, да и ну песни играть: жалобные, жалостливые, а то и веселые начнут жарить — „Смело мы в бой пойдем“, или так „Комаринского“ вдарят.

Выбегут из избенок мальчишки, бабы, мужики, — и ну полыхаться от смеха.

— Глянь, глянь, коммуна-то наша, вот так разгорланивает.

И пойдут тут смешинка за смешинкой, так что вся деревня заковыляется: смешильная деревня.

А потом было так.

Ну, как же не золотой человек! Вот, намеднись, собрал он крестьян всех к себе на праздник — годовщину Октября, — выставил целую батарею дальнбойных орудий — четвертей с самогоном, на что истратил 140 пудов хлеба. Сначала митинг организул, а после него смычка коммуны новоявленной, что под названием „III Интернационал“, с крестьянством местным началась.

— Вот это мы понимаем. Ай-да коммуна! Правильно! Давно бы так! — одобрили старики.

Пили по череду из двух стаканов. Выступали с речами про смычку: что главное, жить надо умеючи, без злобы. Потом песни пели, гуляли.

Андрей Родин, организатор коммуны, распалился и пустился в присядку разделять вензеля и фокусы ногами. Потом драться начал, затем стрелять из игана, потом плакать, затем целоваться и, наконец, свалился в лужу и уснул.

На утро Андрей Родин сообщал в уездком: „Так что наша коммуна под именем „III Интернационал“ провела смычку с крестьянством. Смыкались очень хорошо. Было много речей и вы...ступлений“.

Деревня смеялась.

Уездком же, прочитав отношение за номером, исходящим от Родина, и услышав, как деревня колышется от смеха, — выставил Родина из партии.

— Ишь ты, дело-то какое! И брюки Троцкому покупал, и с Анатолием Васильевичем заместо приятеля был, а тут как захотел сомкнуться с крестьянами, так и оказался вылетевшим. И почему бы такое? — рассуждал Родин.

Деревня же радовалась.

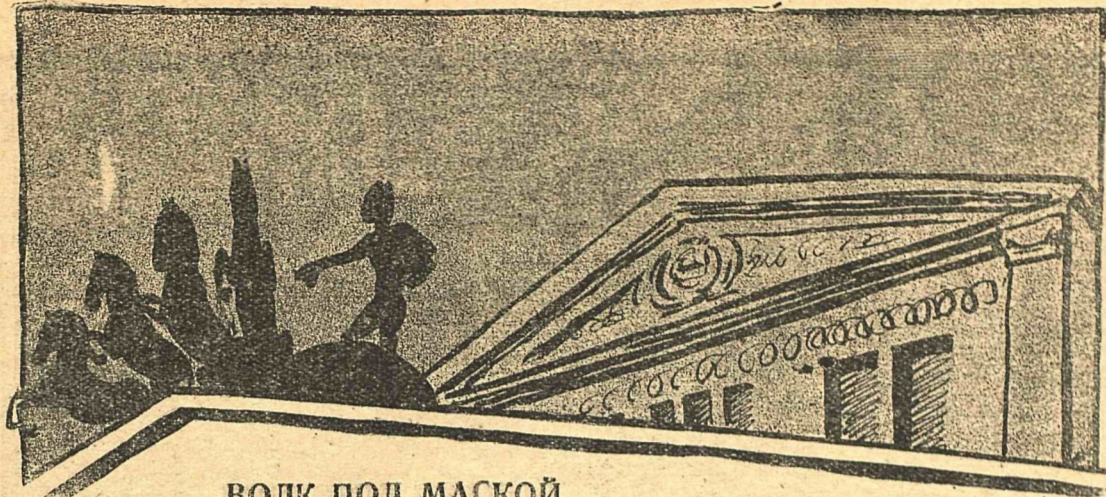
Михаил Бандин.

СВЯЗЬ С МЕСТАМИ.

Рис. Ив. Милстина.

— Что-вы, товарищи, рехнулись — зимой первое мая праздновать?! Да мы что?... Мы ничего... Нам вчерась Уком тезисы прислал.

ВОЛК ПОД МАСКОЙ.

Прошу отпечатать в журнале все, как было дело, чтобы вывести на свежую воду скрывающихся под маской у нас в селе Бутчине, Мокровской волости.

Вышло все потому, что он имел ко мне ревность из-за девицы, гражданки того же села, Анны Андросовой, с каковой я был в соседнем городе, сдавая налог, и ходил на фотографический снимок вместе. И ту нашу совместную карточку он, Кривогин Стефан, мне не смог простить. И выказал свою подлость.

А суть вся вот где. По случаю революционного праздника (совпавшего к сожалению с воскресеньем) был нами решен для нашей школы спектакль. Я, как член совета избечитальной, конечно, много потрудился. А пьеса называлась „Красный генерал в одном действии“, где мне приходилось выходить с эполетами царскими, как для игравшего роль адъютанта.

И вот торжественный день наступил. И при полном количестве собравшихся раздвинулся занавес. Но тогда гражданин села Бутчино Кривогин Стефан, напившись до безумия и увидя у меня эполеты, закричал по нечеловечески и, влезши на сцену, эполеты у меня сорвал и безобразничал. У него в плечах косая сажень с таким, и придал ему силы самогон, так что против него бороться было бессильно. А он, выведя меня, так по всему селу провел в костюме адъютанта и в парике и кричал:—Бейте золотопогонников! А милиционеру Бабанову трудно справиться, ведь, с Кривогиным Стефаном; цельная шайка такие же бутчинских пьяниц—и все приятели.

И вот я прошел все село с насмешками и подталкиваниями. А в конце, сорвавши с меня парик, толкнул меня Кривогин в сугроб и крикнул:—Это тебе за Нюшку Андросову! Каковы его слова может подтвердить и милиционер Бабанов.

Но этого мало! На следующий день после спектакля я пришел и заявляю в совет на пьяницу Кривогина, что он сорвал спектакль. Но он, придя в совет, называет меня контр-революционером и говорит, что я вредный элемент и что проповедую золотые погоны. На что я отвечал, что это увертка, и погоны мои были представлены, как зло. Он же заявил:—„Зло, не зло, а я Красную армию не дам в обиду. Она есть священная для каждого солдата. И как прежде судили за оскорбление царя, теперь надо за Красную армию.

Но я весь покраснел и дрожал, как осиновый лист, чему свидетель и милиционер Бабанов. Потому что он Кривогин первый

БОРЬБА С МАТОМ.

Рис. художника И. Архипова.

ДЕЖУРНЫЙ ПО ЧАСТИ:— Вы что же, мать вашу, матом тут ругаетесь? Забыли, мать-перемать, постановление, чтобы не ругаться, мать-размать!

(Новороссийский гарнизон).

кулак и самогонщик, но прикрывается маской. А первый молился о приходе Деникина.

Но правду хочу показать для всех. И не только из-за Анны Андросовой. Бойтесь волков в овечьей шкуре и которые одевают маски и кричат, что мы красные.

Но пролетарское око должно зорко следить за такими врагами просвещения и не давать им срывать спектакли.

И. Тимофеев.

Перехватил
Вас. Лебедев-Кумач.

НАШ НОВЫЙ ПОПУТЧИК.

ОТ РЕДАКЦИИ. Читатели „Крокодила“, не раз встречали на страницах нашего журнала фамилию быв. священника Автонома Юдина (см. №№ 102, 107), который предложил свои услуги журналу в качестве сотрудника по духовной части.

Из помещаемого ниже письма гр. Юдина видно, что в нем, Юдине, при наличии известных литературных качеств и инициативы, еще не изжита старая закваска. Гр. Юдин как бы стоит на грани двух эпох и, в лучшем случае, является лишь нашим литературным „попутчиком“.

Поэтому, помещая полностью первое литературное произведение гр. Юдина: „Письмо к братьям во „Крокодиле“, редакция просит читателей высказаться по содержанию этого письма. Кроме того, в одном из следующих номеров будет дан портрет остриженного и неостриженного Юдина для того, чтобы все, знающие что-либо об этом атеисте, сообщили о нем в редакцию.

ПИСЬМО АВТОНОМА ЮДИНА.

Дорогие братья во „Крокодиле“ и бывшие мои прихожане!

Настоящим я, Автоном Юдин, объявляю, что по сдаче экзамена при журнале, милостью редакции, я допущен к временному исполнению обязанностей консультанта по духасти. Сдавши испытание, клятот церкви Сорока Мучеников сдал секретарю редакции под распис у. С 1-го февраля вступил в должность, хотя через Р.К.К. еще не проведен.

Волосы, конечно, с болью в сердце состриг под гребенку. Комнаты в Москве пока не нашел. Времени ночую в редакции на круглом столе, а под голову кладу чучело крокодила. От сего сплю не с окоино, вижу пророческие сны. Видел патриарха Тихона и Демьяна Бедного на горе Елеонской—в облаках. Патриарх грозил перстом. В Москве нигде еще не был, кроме как у Иверской, она под боком нашей редакции. Был там дважды перед экзаменами, дал перед иконой обет, что ежели не выдержу экзамена, то в статейке разоблачу ее чудотворность. Собираюсь смазать в музей Наркомздрава,—посмотреть на шкилеты святых мощей и фальшивомонетчика.

Прислушая к исполнению обязанностей по „Крокодилу“, предлагаю возбудить на страницах его нижеследующие вопросы в дискуссионном порядке:

1. Многие содеятели и даже сам тов. Стеклов в статьках употребляют слова бог, чорт, душа, хотя бога и чорта нету, и они являются плодом разороченой фантазии буржуазии, а душа, как известно из науки, есть вар. То же отношу и к словам, допотопный, так как потоп не было, райский, так как рай есть поповская выдумка. Достояно удивления в наше время название „райком“, встречающийся в партийных органах.

2. По связи с предыдущим пунктом, не пора ли, наконец, пересмотреть многие русские пословницы, ругательства и поговорки и обновить их, подведя под них научный фундамент. Например, имея в виду, что бог и чорт есть мифы, недопустимо говорить в настоящее время—„седина в бороду, а бес—в ребро“, а надо: „седина в бороду, а миф—в ребро.“ Также „не было печали, а мифы накачали“, „Без бога не до порога“ предлагаю заменить: „без продукта разгоряченной фантазии не до порога.“ И так далее в таком же роде. А равно в молитве „Достойно есть“ переменить слово „богородица“ на „мифородицу“, через каковую реформу правописания живая церковь получила бы научную подкладку.

Предлагаю читателям обоого пола и моим бывшим прихожанам высказываться без стеснения по сим вопросам, слать открытки, письма, предложения, депеши, переводы и проч. Все эти материалы я буду обрабатывать собственноручно и сдавать в печать.

Моих прихожан пр шу кроме того:

1. Питать оставленного мною в доме кобеля Живец, а также не обижать матушку Агриппину Ивановну.

2. Обязательно обмазать известью мои яблони титовки и грушу. Ребяткам накажите грушу не окалачивать до спаса.

3. Убедительно прошу прихожан вакантное мое место никем не замещать, ибо положение мое здесь шатко;—нахожусь в окружении покупайте Крокодил, читайте мои статейки. Дабы не порочить духовного звания, подписываться буду вымышленно,—Амикус, или Хомо Новус. Летом возьму в „Крокодиле“ товарищеский отпуск и к престольному празднику прикачу в родную Костянку.

Временный сотрудник „Крокодила“, атеист Автоном Юдин (Амикус). Пост-скриптум. Вчера купил полбутылочки померанцевой. С самогоном не сравнишь!

С ПЬЯНЫХ ГЛАЗ

— Эй!.. Зво-ощик..

Рис. К. Емсева.

— Эге! Раньше, бывало, говорили: дело в шляпе... А оно, вишь, в платочке!

„ЗА ПЛОХОЕ ПОВЕДЕНИЕ“.

Испанский король Альфонс лишил права престолонаследия принца Людовика „за плохое поведение“.

„Крокодилу“ сообщают из достоверных источников:

Принц Людовик, узнав об этом распоряжении, воскликнул:

— Не понимаю, почему папаша лишил меня права престолонаследия за плохое поведение. Сам-то он ведь— Альфонс!

— Слыхали? У Захарова начался воспалительный процесс...

— Ну? Опять процесс? Ведь его только на прошлой неделе судили.

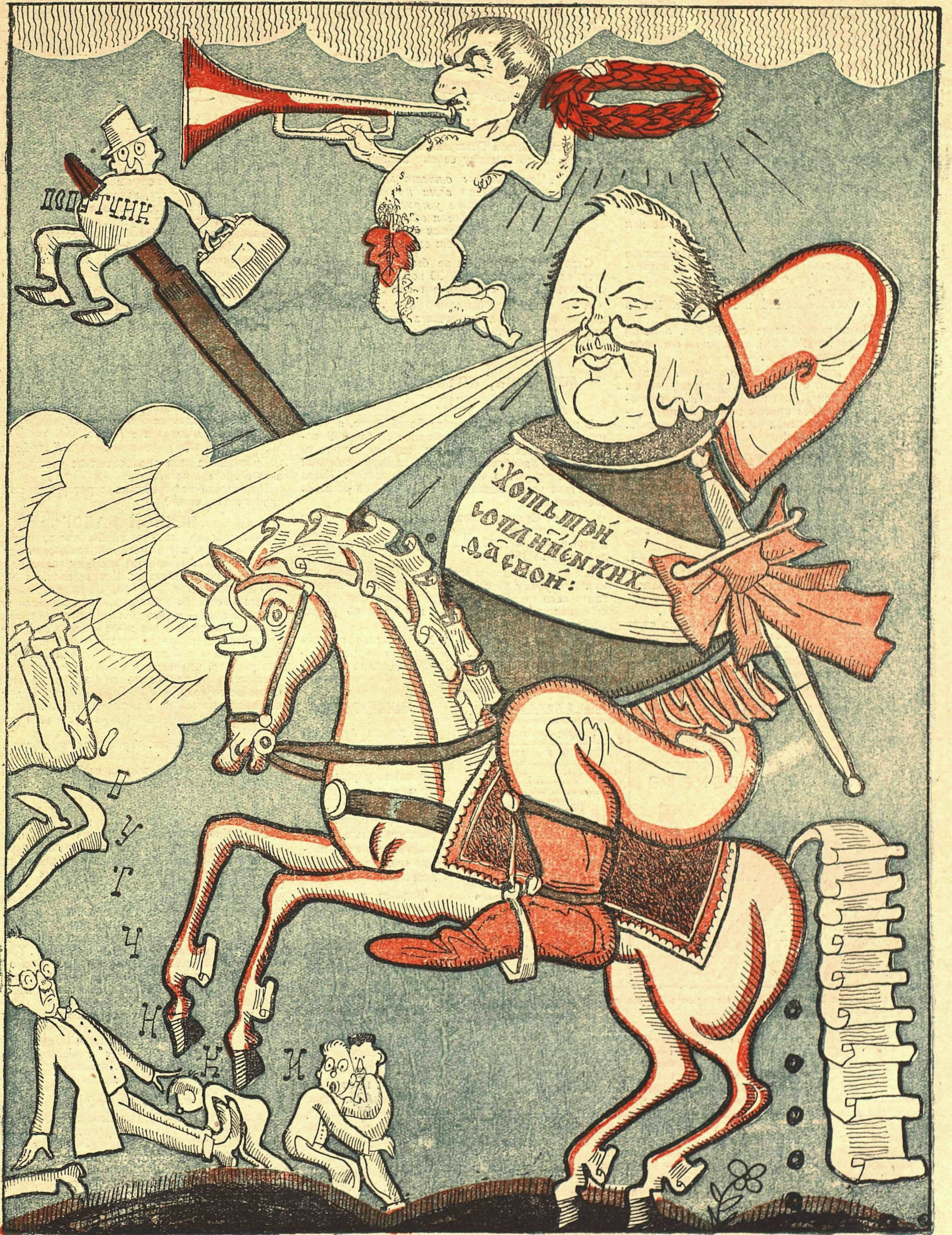
— В клубе у вас играют?

— Нет, больше на квартирах.

— А какие вещи ставят?

— Обыкновенно деньги ставим, а бывает и пиджак, и сапоги поставишь—все зависит от карты.

Рис. Бориса Ефимова

Тов. ДЕМЬЯН ПОБЕДНЫЙ, он же—Козьма Крючков пролетарской литературы.

ВИЛЫ В БОК

ЛЕСНОЙ „ЦАРЬ“.

Оказывается, есть еще такие „цари“ в СССР. Лесничий Коробовшинского лесничества, Владимирской губернии, Голубев узнал о самовольной вырубке крестьянами дер. Льгово 15 корней 3-вершк. осин и 10 корней 2-вершк. елей.

Долго думал лесной „царь“, что делать с крестьянами, и, наконец, разрешился постановлением № 11 от 26 ноября 1922 года:

...Принимая во внимание, что изложенное деяние составляет проступок, предусмотренный 155 ст. Уст. о наказ.

...Согласно 158 ст. Уст. о наказ.

...На основании 155 и 158 ст. ст. Уст. о наказ.

...По штрафной таксе (ст. 698 Уст. о лесн.) я, лесничий Голубев, постановил оштрафовать гр. села... и т. д.

Этот лесной „царь“ революцию проспал. По царским законам судит и самолично расправу чинит. Если поразмыслить, оно и понятно. Живет человек в глуши, деревья кругом видимо-невидимо, — долго ли одичать до самодержавного состояния?.. Жалеть человека надо!

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ.

Государственная табачная ф-ка им. Розы Люксембург в Ростове н/Д повысила цены на папиросы низших сортов, которые доступны рабочему, — на 12%, в то время как на высшие сорта (для нэпманов) сочла возможным цены даже понизить.

Оно, конечно, весьма приятно, что администрация фабрики печется о здоровье рабочих: папиросы, мол, дороги, — меньше курить будут, легкие отравлять перестанут, а нэпманы пущай себе курят, что их жалеть!

Но „Крокодил“ решил все-таки покурить свою трубку в помещении администрации ф-ки: авось удастся чересчур усердных попечителей о рабочем здравии обкурить рабочим дымком, а в случае чего, — и выкурить кого следует.

КОПЕЙКА.

Курская контора Госстраха в январе за № 3427 послала такую бумажку своему агенту:

„При проверке отчета за ноябрь м-ц усмотрено, что вами по квитанции за № 379115 излишне удержано комиссионного вознаграждения одна копейка, какую вам предлагается возратить, указав об этом в месячном отчете“.

Судебного воздействия не было, так как агент этот, истратив на трамвай 20 коп., уплатил причитающуюся с него сумму в размере 1 коп.

А что произошло бы, если-б он не уплатил? Срыв денежной реформы, размычка с деревней или просто ниспровержение революционной законности? Жутко на этом свете, товарищи!..

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ ИМЕЕТ РОДИТЬ.

В некоем советском городе Белебеевске, в больнице № 1 произошло невероятное событие: В родильное отделение ввалился санитар больницы Аглиулина Хабидулла и, держась за живот, с дикими воплями повалился на ближайшую койку. Когда его стали расспрашивать, в чем дело, он рассказал следующее:

— Врач Стуков, осматривая меня, сказал, что у меня беременность, установив время родов примерно 4 января 1925 г., и выдал мне больничный листок за № 193.

Все были в недоумении. А потом выяснилось, что тов. Аглиулину хотели послать в Москву — потому как у него узкий таз, и нужно было хирургическое вмешательство, чтобы он нормально разрешился от бремени.

Поехал ли он в Москву, Белебеевская история умалчивает, молчит она и о том, что за птица такая — Белебеевский врач Стуков. Должно быть, — научный работник..

УСПЕХИ НАУКИ.

Издательство „Красная Новь“ выпустило книжку под названием „Наше правительство СССР“, в 50.000 экземпляров. В этой книге напечатаны биографии вождей. В ней имеется такой перл. Тов. Дзержинский родился, как указывается в этой книге в 1887 году, а в партию вступил в 1895 году. Выходит, что он вступил в партию, будучи от роду 8 лет.

Такой молодой — и такой сознательный! А т. Дзержинский небось и не знает, какому он подвергся омоложению. Не поспеешь нынче за наукой..

СКРОМНЫЙ, НО ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ.

В Илекскую ячейку РКП.

Заявление.

Прошу Илекскую ячейку о принятии меня в партию, т.-к. я хоть и состою секретарем вашей ячейки РКП, но я механически считаю выбывшим и не числюсь членом партии, поэтому прошу утвердить меня вновь кандидатом партии с установлением стажа с 1920 г.

Белобров.

Диковинные дела происходят: не член партии, но зато секретарь ячейки.

По очереди все граждане секретарствуют в Илекской ячейке, чтоль?

„ПЕЧНОЙ НАЛОГ“.

Обыкновенно печные трубы чистит трубочист или печник. А вот в Феодосии возложили эту обязанность на... пожарную команду горисполкома.. (что узаконено Обязател. Постановлен. за № 127).

В конце-концов, конечно, не важно, возложена ли эта миссия на пожарных, на отходников или на парикмахеров, — только бы вычистили хорошо... Но скверно то, что вот из-за такого приглашения производится взимание платы от 50 к. до 1 руб. с дымохода в пользу пожарной команды, а самое скверное то, что чистить обязаны: русские печи в частных квартирах не менее раза в месяц в течение всего года, а в столовых, банях и т. п. заведениях — не менее 2-х раз в месяц..

Жалуясь на этот своеобразный „печной налог“, феодосийцы пишут:

„Крокодил“, помоги. Требуется пустить в твои вилы“..

Это можно. Плохо только, если ваша горадминистрация — толстокожа: не сразу проколешь..

„РУССКОЕ ГОРЬКОЕ“.

Получено „Крокодилом“ вот какое письмо: „Тов. Крокодил, ты многих на вилы посадил, посади пожалуйста нашего старшего шенгера Сулова на вилы. Шенгер Маломанов сделал праздник и позвал в гости Сулова и других и ремонтера Копанцова. Во время пирушки получилось недоразумение. Шенгер Сулов порядком избил ремонтера Копанцова, его жене набил морду. Ну мало того, завкопью Васев предложил расчет Копанцову и не давал ему работу два дня, но благодаря рудкому только-что получил работу. Тов. Сулов же в пьянстве был замечен уже много раз. Стыдно так делать, как старому партейцу тов. Сулову и служить примером Ленинскому набору в проведении нового быта“.

Пусть автор этого письма с Володарской копи ответит еще на 2 вопроса: 1) Существует ли при этом предприятии ячейка? 2) Если таковая существует, то как она относится к вышеописанному „проведению нового быта“ Суловым?

А „Крокодил“ пока поточит вилы..

СТАРЫЙ РЕЖИМ.

Не везде еще знают о завоеваниях Октябрьской революции. Так, напр. в Арганском лесничестве лесничий Целибритский, который до сих пор на пуговицах корону носит, не допускает собраний, созываемых рабочкомом, если на то не было испрошено разрешения у Целибритского. Не даром окрестные крестьяне его иначе не зовут, как „губернатором“.

(Пролетарский Путь).

Еще мягко о нем выражаются. Покрепче надо.. Подождем, пока суд не определит, как надо называть Целибритского.

СЕГОДНЯ

Все! Все!

на Бал-Маскарад

А я

не пойду

Начало спектакля в 8 час. вечера.

Маскарада в 12 часов ночи

Билеты продаются

комиссия

Сезон 1924-25 г. НАРОДОМ Сезон 1924-25 г.

Директор-управляющий под управлен. В. В. ВАСИЛИНА

В субботу 20-го декабря

ДЕНЬ РАВИСА

Изначительный день! Первый раз в сезоне!

Представлено будет:

Оригинальная комедия, пользующаяся исключительным успехом

ОКСАВА ЗОЗУЛЯ

(ГУБОРСКАЯ ЛИХАРАДКА)

Комедия в 3 актах. Постановка К. И. Стоянов.

—

Детский балет

под руководством Е. К. Самсоновой.

—

ПЕРВЫЙ В СЕЗОНЕ

Бал-Маскарад

с 2 ценными призами.

КАК ОСЛЫ НАРИСОВАЛИ ОСЛА.

(Ст. Булаево, Омской губ.).

Затеваается благотворительный вечер. Устроитель — Рабис. Необузданная фантазия автора афиши сулит ряд ослепительных наслаждений. И тут же изображается осел, который говорит: — А я не пойду! Известно — осел.

Вот как описывает крокор этот бал-маскарад:

„В зрительном зале сиденья убраны, на их место поставлены столики. Сидят пьяные зрители обоюбого пола. На сцене кривляются двое.. В танцевальном зале надрыдается

оркестр, в синем от дыма воздухе кружатся пары. К 12-ти театр представляет из себя кабак доброго старого времени. Перепились все, и мужчины и женщины. За столами галдеж. Веселье достигает высшей степени напряжения. Горькая доходит до 3 р. 75 к. за бутылку. Проститутки открыто торгуются и уезжают с кавалерами“..

— Уф, довольно! Брагец осел, ты очень разумный человек, что не пошел на „Бал-маскарад“. „Крокодил“ тоже не пошел бы. И передай тем, кто был на балу, что вот они-то и есть сущие ослы.

Изотов.

ПОМПАДУРСТВО.

В городе Аткарске, Сарат. губ., не все еще понимают, что общественные учреждения служат населению, а не „начальству“. „Начальство“, напр., считает, что больница должна обслуживать прежде его, а потом уже население.

Родился у предисполкома ребенок, — он посылает в больницу стерилизовать пеленки. Заболела жена, — он дает распоряжение главврачу командировать из больницы фельдшера для дежурства. Почему он не кладет жену в больницу? — Там ее можно заморозить, — температура от пяти до восьми градусов. А от кого зависит, чтобы в больнице было теплее? От него..

А как же обыкновенные больные? Известно, что обыкновенному человеку здорово, то начальству — смерть.. Совсем другой организм у начальства. Нежный..

„СЕРДЕЧНЫЕ ДЕЛА“.

(Кино-роман.)

I.

Приходите в семь часов вечера.

Помзав пробасил строго:

— Приходите в семь часов вечера.— Есть срочная работа.

— Хорошо,— сказала пишмашинистка. И пришла.

II.

Дом № 42.

А когда уходила, пом (о счастье!) предложил:

— Разрешите с вами... Нам по пути.

Ночь. Темно. Слякоть. Пом, извиваясь, шепчет:

— Милая. Душечка. Очаровательные глазки... Ах... Ух...

Пишмашинистка рванулась:

— Оставьте!

Но руки у пома—железные грабли. Пом настойчив и энергичен:

— Очаровательны-е... Пойдем со мной в этот дом...

III.

Обратите внимание.

— Кара-ул! Спасите!— крикнула пишмашинистка и заплакала.

Прибежал милицейский. И пом, как на службе, выпятив грудь, басом и строго:

— Да что вы, кричите?.. Да как вы смеете!.. Да... Это чорт знает что... Ради бога, товарищ милиционер, обратите внимание... Компроматировать! Не позволю!..

IV.

В кабинете у зава.

На следующий день пом докладывал заву:

— Понимаешь не повезло... Чертовски не повезло!.. Протокол... Милиционер... Ради бога, выручи!.. Девчонка, мразь,— а могут быть неприятности.

V.

Дела сердечные.

Когда пишмашинистка жаловалась заву, зав улыбался:

— Это нас не касается... это дела сердечные!.. А вот кстати, вам причитается получить за вчерашнюю работу, плюс хорошее исполнение, срочность и еще премиальные...

VI.

Бородавка на мизинце.

Пишмашинистку сократили.

— Понимаете,— говорил зав в комиссии по сокращению:— во-1-ых, она очень рассеяна, во-2-х, вообще не подходит, а самое главное— у нее бородавка на мизинце...

Рабочком удивлялся:

— Странно... Одна из лучших работниц!..

Но подрывать престиж начальства не стал:

— Впрочем, раз вы утверждаете... И, так сказать, наталкиваете... Конечно, такой элемент...

VII.

(последняя).

Кто они?

Место действия — Гомель.

Зав — завгубземлеустройством Гомельского Губернского Земельного Управления, инженер Лиодт.

Пом — его помощник, инженер Андреев.

Машинистка — Боркова.

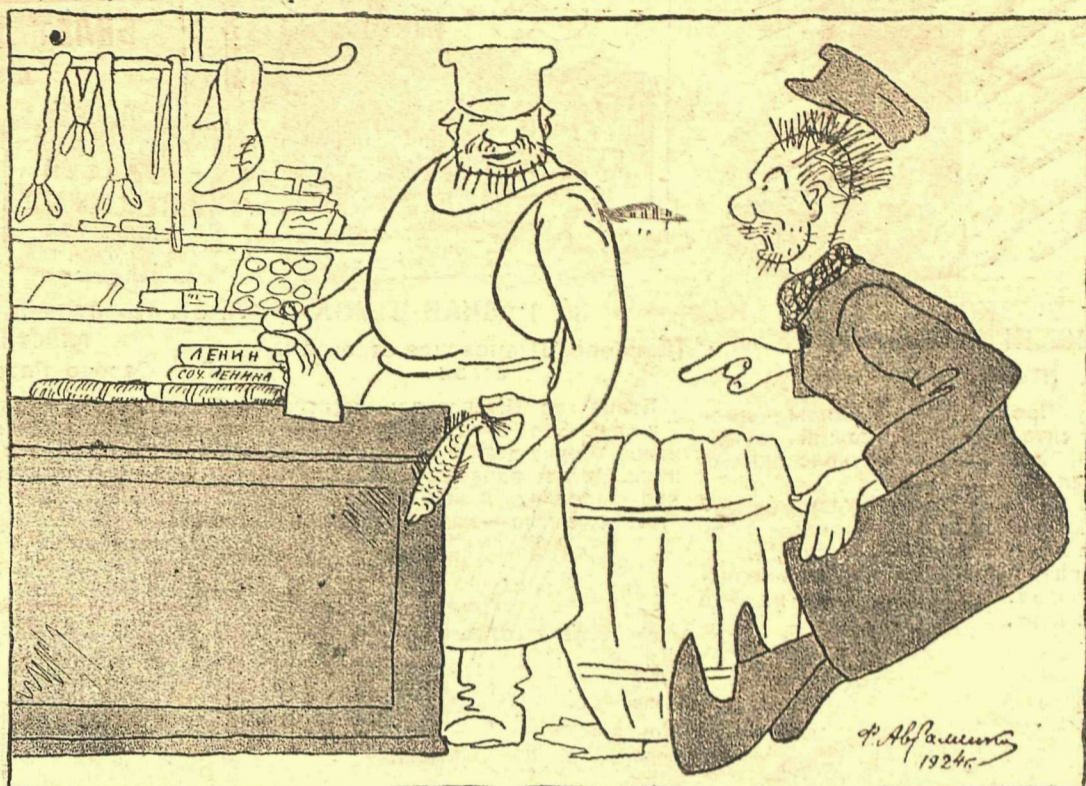
Дом № 42 — дом свиданий по Минской улице. Прикрыт милицией в конце 1924 г.

Примечание: Раньше за такого же рода „оказание сопротивления власти“ и подрыв начальнического авторитета были сокращены Лукина и Иванова.

Б. Левин.

В КООПЕРАТИВЕ.

Рис. художника Ф. Аврменко.

— Как?.. Книги Ленина—на обертку?

— А вы, гражданин, не волнуйтесь. Мы пользуемся всеми способами, чтобы иден Ильича продвинуть в массы.

(Екатеринослав, 4-я кооп. артель булочников.)

ДЕЛА СМЕРТНЫЕ.

I.

Жил-был (да и сейчас, надо думать, не помер) на территории СССР старший милиционер Юков.

Старший милиционер — начальство не малое. А у начальства в руках — власть, печать и бумага. Власть, конечно, все может, бумага все терпит, а печать все скрепляет.

Взяло, да и написало начальство Юков такую бумажку:

„С получением сего предлагаю немедленно выдать похоронную гр. Черемину в деревне Кушняково, ввиду его престарелости и плохого состояния“.

Старший милиционер
Огибаловской волости ЮКОВ.

А раз бумажка есть, то и смерть должна подойти. Нельзя же, в самом деле, чтобы она подрывала авторитет старшего милиционера.

II.

Жил-был в Сызрани гр. Доброправов, член профсоюза рабпрос. Однажды возьми он да и умри. Схоронили его товарищи на сызранском кладбище в могиле второго разряда, а деньги заплатить за могилу некому было: просвещенцы — народ нешмущий. Похоронить-то похоронили, а без денег.

Но хоронить без денег — никакого нет хозрасчета кладбищенскому управлению. Как быть? С кого деньги брать? Долго думали руководители правления и, наконец, придумали. Что придумали, неизвестно, положили. А только в делах кладбищенского правления появилась такая бумажка:

„Дано умершему Доброправову, члену союза Рабпрос, на членскую книжку № 256000 в получении с него за могилу 2-го разряда 1 р. 50 к.“

Уж как он там, бедняга, воскресал долгов своих ради и вылезал из гроба — кто его знает... Но что деньги сполна уплатил, на то расписка имеется.

III.

Работать без предварительного разработанного плана невозможно особенно при хозяйственном расчете.

— Раз везде и во всем планы, то чем мы хуже других? — здраво рассудил заведующий Самарским управл. благоустройства т. Данушкин. А раз рассудил, то и написал, а раз написал, то и доложил:

„Кладбищенско-похоронное отделение г. Самары предполагает похоронить в одиночных могилах с 1 октября 1924 г. по 1 апреля 1925 г. 1055 трупов и в братских 266 трупов.“

Вот такую производственную программу составил Данушкин.

Программа ничего себе, веселенькая. Но как быть, если самарские жители утрутся и не поставят Данушкинскому производству потребного количества сырья?..

М. Банди.

У ТЕЛЕФОНА.

(По кроковской корреспонденции).

Вязники. Междугородная телефонная станция. Гражданин, взволнованный, бледный висит на трубке:

— Барышня, город!
— Занято!
— Дайте, пожалуйста, город!
— Занято!

А в это же самое время из Мстерского Вика срочный и деловой разговор:

— Нюра, а где Люся? Негу? Куда же она уходит так поздно... Я се ревновать буду... Что? ревновать, говорю, буду. Ха-ха-ха... Ну так вот — ты слушаешь, Нюра? Скажи Люсе, когда она придет, что я скоро приеду и расцелую ее... Вас? Только вы не говорите Люсе... Ха-ха-ха... Ну, слушайте, я вас целую по телефону... Ха-ха! Кто здесь? Здесь Миша... Послушайте, Нюра, вы завтра будете... Что? Да нет же, глупости... Ха-ха-ха... Погодите, с вами Коля хочет поговорить... Ну? передаю трубку...

— Нюра? Очень жалко, что я не могу видеть по телефону ваши глазки... Что? Ха-ха-ха...

В Вязниках гражданин продолжает висеть на трубке.

— Барышня, город! Мне надо доктора вызвать, барышня...
— Занято!
— Барышня, жена умирает...
— Занято!

М. М.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

№ 29. КОТРАБАНДА НА Ф-КЕ „III ИНТЕРНАЦИОНАЛ“.
(Владим. губ., Алекс. у.)

1) Предмет контрабанды — лоскут ситца, обслуживающий хозяйки представителей красильного отделения.
2) Валенные сапоги, куда вмещается контрабанда при проходе у ворот мимо пограничной стражи. Контрабандистов мы здесь не выставляем. Пускай их прямо на ф-ке выставят.

М. С.

№ 33. ШЕФ ИЛИ НАЧАЛЬСТВО?

(Нурловский госстеклозавод им Володарского, Ряз. губ.)

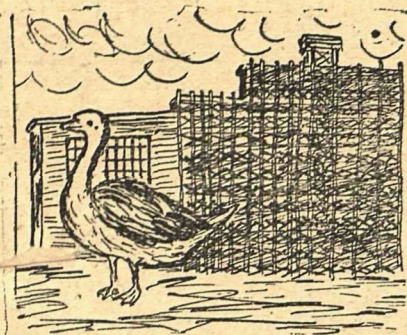
Собака из Палищенской волости, которая (собака, а не волость) ошенилась, увидев, как шеф секретарь заводской ячейки, т. Тихонов, прикатил в волость на паре.

Собаку спросили: — Ты чего рычишь?

— А чорт его знает, — сказала собака, — вижу катит на паре.. Я его за урядника приняла.

Тов. Тихонов! Езди, брат к подшефам на одной лошадке.

Курлоец.

№ 39. РЕДКАЯ ПТИЦА.
(Донбасс, Штеровское строительствео).

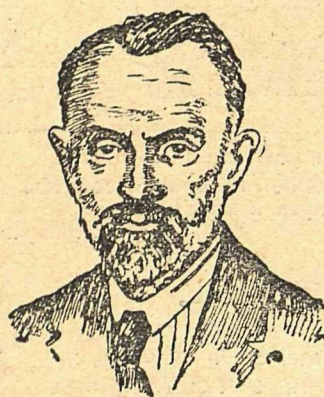
Птица из Штерстроля: десятник Гусев. Это очень замечательная птица. Через день бывает на работе пьян. Задает рабочим такие уроки, что выполнить никак невозможно И все с него — как с Гусева вода.

Эри.

ов. Каменева.

Мое
право
м, в
вечас
асту
газо

по
про
про
яво
аме
гру
но
ста

Л. Б. Каменев.

№ 34. Маленько ошиблись.

Орехово-Зуевская газета „Колотушка“ в № 149 решила дать портрет т. Каменева. Думаєте, не дала? Дала. Вот он здесь у нас выставлен.

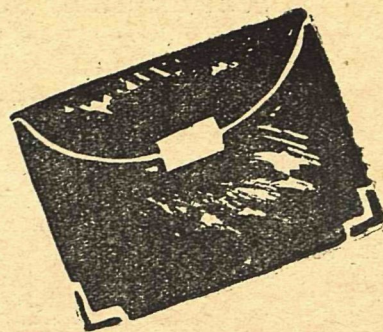
А вот если „Колотушка“ захочет теперь дать портрет т. Красина — кого-то она нарисует? Может редактора „Колотушки“?

№ 31. Подати — при советской власти?
(Гор. Сасово, Рязанской губ.)

Билет городского кино. По штампу на билете видно, что, в изъятие всех законов и фактов, несчастный кино живет под гнетом старого режима. Подати.. Урядник.. Земская управа.. Жуткая картина возникает в уме..

Кар-раул!! Уберите „сборщика“! Подайте фино дел!

№ 32. ГОРЬКАЯ ТРАТА.
(Гор. Белебей, Башреспублика.)

Портфель, который потерял в Уфе уполномоченным Башпрофсовета по Белебеевскому кантону. В Уфу на сезд, поехал, поймасте, с портфелем, а вернулся — без оногo. А все виновата.. русская горькая..

Сиф.

АЛЬБЕРТ ПЕРСЕЛЬ,
председатель делегации английских профессиональных союзов.

ШТРЕЗЕМАН —
министр иностр. дел Германии.

№ 35. Раз — и готово!

Газета „Беднота“ поступила еще лучше. Дала портрет Перселя. И что же вы думаете? Прошли всего сутки — и мы видим то же лицо в той же газете, но уже под фамилией Штреземана.

Ох, как быстро летят события! Всего один день потребен, чтобы английский рабочий лидер превратился в германского буржуазного. Как говорится: локомотив истории.

М.

ДЕТДОМ № 0...

(Приключение).

Часть, несомненно, фактическая.

Истинный документ:

„Комитет объединенных ячеек ДД (Детдомов). Харьков, Декабря 10. Год 1924.“

Уполномоченному при Махортресте.

Комитет просит вас оказать содействие в получении безвозмездно от Махортреста одного ящика махорки для беспризорных детей колонии“. Секретарь Комитета (подпись).

Часть вероятная.

...Член президиума Комитета, лысый и добренький, горько вздохнул и сказал мрачному заведующему детдомом.

— Ах, как мало в вас ласки, товарищ!.. С детьми ласкою надо... Сердечности больше. Они, ведь, махонькие. Цветы, так сказать.

— Да что-й-то вы, право? — взмолился завдомом. — Ну где же это видано, чтоб цветы курева требовали?.. Ревья ревут, и опять же...

— Ох-хо-хо-ох! — прослезился добрый член. — Вот то-то и говорю, сердца у вас нехватет! Секретарь! Напишите-ка им от нас подарочек... Папиросочек там слабеньких... Шоколадуку...

— Ну коли так, — мрачно сказал завдетдомом, — так пишите уж лучше махорки пуд. Им привычнее.

— Ах, как мало в вас нежности! — вытер слезы добрый член и добавил, прощаясь, — ну, ладно. Ужотко я сам к вам заеду. Научу вас, как надо детей привлекать.

— Воля ваша, учите! — вздохнул мрачный завдом, взял бумажку и пошел за махоркою.

Часть менее вероятная.

— Вот, ребята, — сказал утром завдомом, — сегодня придет к нам добрый дядя — член, что махорочки вам подарил. Коли надо вам что, прямо к нему обращайтесь, — страсть добрый!

Добрый член прибыл в полдень и с места заявил администрации.

— Не надо парада. Пустите меня, я один пройду по детдому вашему. Пошучу, поиграю, хе-хе, с ребятами, да все сам и увижу-с.

Прослезился, утерся и вышел из комнаты.

В коридоре у печки возился небритый и дюжий парень, помня родителей и пытаясь засунуть в печь огромное поленище.

— Ах, как нехорошо! — вздохнул, подойдя, добрый член. — С детками надо ласкою, а вы такие выражения в этакое заведении... Ты сторож, что ли?

— Хрена тертого! — убеждено ответил парень. — Кой кляп тут стремить-то?

— Что за грубость? — возмутился член, — как это мыслимо?

— Ты мне не мурмуль, — злоеще поднялся детина, — ты вола не крути, а кажи мне, кто ты есть таков? Н-ну!!

— Я? Я член... Ревизор я, вот я кто!

— Га-га-га-га-ааа! — загоготал собеседник. — Вот здорово-то. Фью-ууух!!!

И оглушительно свистнул...

... Добрый член робко приоткрыл глаза и, запинаясь, попросил у суровых и дюжих незнакомцев обступивших его упавшее с испугу тело:

— Не бейте меня, дорогие товарищи!.. Я, ведь, с ласкою... Я только взглянуть хотел.. на детей... Я уйду, уйду!..

— Ишь чего захотел, хрену тертого твоей бабушке! — усмехнулась рябая каланча в зеленых обмотках, — га-га-гааа!

— Я сам—свой высший суд!

— За поглядки-то деньги плотють,—политично намекнула вторая небритая личность и, подставив тарелку-ладонь, хрипло гаркнула:—Мони ганету! Гляди! Пес с тобой.

— Как?—сказал добрый член и задохся от ужаса,—а сколько ж вам лет?

— Тлидцать тли!—хором рявкнули собеседники и брякнули „реверанц“.

Часть совсем невероятная, но поучительная.

Провожали доброго дядю веселой гурьбою и „с ласкою“.

— Ты бы, паря, нам и ишшо махорочки расстаралси!—сипло шепнул на прощанье кудрявый Сенька-Малыш.

— А вот карт у нас, так двистительно, не фатат,—деловито добавил второй ребенок, поскоблив шетину,—ни те в банчок, ни в железку...

— Холосо, холосо, холосо!—лепетал обалдевший добрый член,

в панике пробиваясь к выходу,—того этого... обязательно прислю! Хи-хи-хи, уйи! Не надо ссипаться, лебятки... Ох!..

Цветы жизни, резвясь и играя, теснились кругом, и приветливо гудели шмелями, и махали вслед сувенирами:

— Бумажником, носовым платком и часами.

Финал.

Через два дня добрый член взглянул на подсунутую секретарем бумажку и свирепо рявкнул.

— Что? Опять детдом № 0? Простят наволочек? К чорту в зубы с! Довольно с! А подать мне их списки—детей этих самых, живо!

Посмотрел, фыркнул носом и чиркнул размашисто на углу:

„Срочно. В губвоенкомат. В стол призыва—для учета и сведения“.

Леонид Саянский.

— Гляди... Во всех домах самогон варят, а у приседателя не варят.
— А для ча ему... Ему и так нанесут...

ЗАЛЕЖИ В НЕДРАХ.

(Из совучрежденских раскопок).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Ежели покопаться, то в СССР можно отыскать много как природных, так и искусственных ценностей, за которые англичане дали бы большие деньги. Но мы не гонимся за большими английскими деньгами. Покопавшись и обнаружив ценное ископаемое, мы извлекаем его из недр на всеобщее, совершенно бесплатное обозрение: пусть посмотрят и оценят все трудящиеся. А на богатых англичан — наплевать.

I.

Много бумаги.

Несколько времени тому назад „Крокодил“ остро нуждался в бумаге, ибо тираж его был велик и обилён, а порядку в Бумтресте не было.

„Крокодил“ пошарил, порыскал, покопался — и обнаружил громадное количество бумаги. Сколько именно — даже и сказать трудно, потому что, по причине введения метрической системы, измерять ее на пуды „Крокодилу“ не хотелось, а километров в него не было под-рукой.

Сгибаясь под тяжкою ношей, „Крокодил“ радостно вполз в типографию... Но там его немедленно разогорчили:

— Эх!.. Да нешто ж на такой бумаге можно печататься? Возьми глаза в лапы: это што?.. Это даже не бумага, а бумаги: входящие и исходящие, казенные, исписанные, со штампами, с печатями, с резолюциями, за номерами и за подписями. Эх!..

„Крокодил“, однако, не заплакал.

Снова сгибаясь под тяжкою ношей, „Крокодил“ приволок казенные бумаги в редакцию и сказал:

— Сколько номеров на свете живу, а столько бумаг еще ни разу не видывал. И не простые это бумаги, а казенные, совучрежденские, за печатями. А сами, ведь, знаете: в бумаге с печатью — в ней сила, и зря такая бумага не пишется. И ежели столько написано бумаг, то сколько же через них сделано важных дел! Не иначе должно быть, что неграмотность до конца ликвидирована,

или сельские советы оживлены, или революционная законность проведена повсеместно, или полностью взыскан со всех буржуев подоходный налог, от чего, конечно, большое советской казне удовольствие с пользой. Ну-ка, почитаем, про какие реформы тут писано...

И принялась редакция за чтение. Сорок дней читала и сорок ночей, — и одолела весь бумажный поток.

II.

Неуловимый красноармеец или 10 совзначных рублей.

В первой бумажной пачке было тринадцать казенных бумаг: тринадцать печатей, 10 резолюций, 36 должностных подписей. И писались те бумаги в г. Ростове Н/Д, и в г. Иркутске, и в селе Кош-Агаче: кто его знает, где есть такое село? Человек не доедет, лошадь не доскачет, а казенная бумага — она найдет, дойдет и дойдет.

И еще в разных других городах и селах писались эти 13 бумаг — и пересылались из города в город: которая заказным письмом, которая срочною почтой, а которая, может, и с нарочным. Бумаги же были, как сказано, не простые, а с печатями и с рукоприкладством, и руки к ним прилагали люди тоже не простые, а уполномоченные:

— Начпо ОГПУ (особое пограничное отделение при Особом Отделе Зап. Сибир. Округа).

— Военный комиссар в Кош-Агаче.

— Нач. I-го отделения милиции в Иркутске.

— Начканц губ. управления Иркутской милиции.

И прочие занятые и ответственные люди с неразборчивым, но твердым почерком. Всех их подняло на ноги и заставило прикладывать руку дело чрезвычайной государственной важности:

— О взыскании 10 р. 50 к. совзнаками 23-го года с красноармейца Феодора Кузнецова, уволенного в бессрочный отпуск и имеющего на руках проходное свидетельство за № 901.

Но бумаги ездили, ходили, пересылались, — а таинственный красноармеец, вооруженный проходным свидетельством, оставался неуловимым. 10 р. 50 к. совзнаками так и не были взысканы, от

чего, разумеется, казне произошел убыток: примерно, в размере $\frac{1}{50}$ (одной пятидесятой) копейки золотом. И на последней по этому делу бумажке значится безнадежная, унылая резолюция:

„...Кроме того, такой суммы (10 р. 50 к. совзнаками) теперь нет“...

Подвела, значит, денежная реформа. Убыток в размере $\frac{1}{50}$ -ой копейки имеется, а покрыть его невозможно: не существует таких монет.

Тут уж никакая переписка не поможет. Не взыскивать же с неуловимого красноармейца целую копейку, когда он должен казне в 75 десят раз меньше?

III.

Копейка, подлежащая выдаче.

Но не все важные бумажные дела заканчиваются столь же плачевно. Можно, после года самоотверженных канцелярских подвигов, примириться с безвозвратной утратой $\frac{1}{50}$ копейки, но что же это будет, ежели и целые копейки начнут пропадать? Из-за чего ж тогда бумаги писать, за что ж тогда совчиновникам ставки платить?

Вторая бумажная пачка, рассмотренная редакцией „Крокодила“, была невелика по объему, по результатам же своим—весьма утешительна и отрадна.

В бумаге за № 953925 Правление М.-К.-В. Ж. Д., с приложением накладной (№) и копии акта (№), уведомяло из Курска Калужский Губсельсоюз, заявлявший означенному Правлению претензию через Тульский Губпродком, что:

„Претензия Ваша за недостачу груза признана подлежащею удовлетворению в сумме одной копейки (1 к.) черв., каковое вознаграждение Вы имеете получить из кассы ст. Малоярославец“.

И, в заключение, рассудительно присовокупляло:

„В виду того, что перевод по почте означенных денег обойдется в сумму, много раз превышающую означенное вознаграждение, то данную сумму надлежит получить из кассы ст. Малоярославец“.

Что верно, то так. Проще всего, конечно, съездить из Калуги, через Тульский Губпродком, на означенную станцию—и получить означенное вознаграждение в означенной круглой сумме.

Но важно не то, как получить. Важно то, что означенная советская копейка не похерилась по небрежению местных властей, а обретается в целости и сохранности на означенной станции.

Значит, не все писались казенные, с приложением печатей, бумаги, и не зря плачены кому-то советские ставки...

IV.

Таинственная находка, или мал золотник и не дорог.

В третьей пачке бумаг было побольше, но и гос—дело, ими обслуженное, было зато из ряду вон выходящим.

Первая бумага гласила:

Начальнику Гохрана.

Прилагая при сем одну коробку за № 18777 с одной цепочкой, запечатанную печатью Глав. Контр. № 1, прошу сделать распоряжение о заприходовании в установленном порядке. Коробка с цепочкой найдена бывшим контролером Климовым при входе в Гохран около дверей внизу. Подпись: А п и н. На подл. резолюция: „В Операц. Отд. Принять В. Громадский“.

ВЕСЕЛАЯ СЛУЖБА.

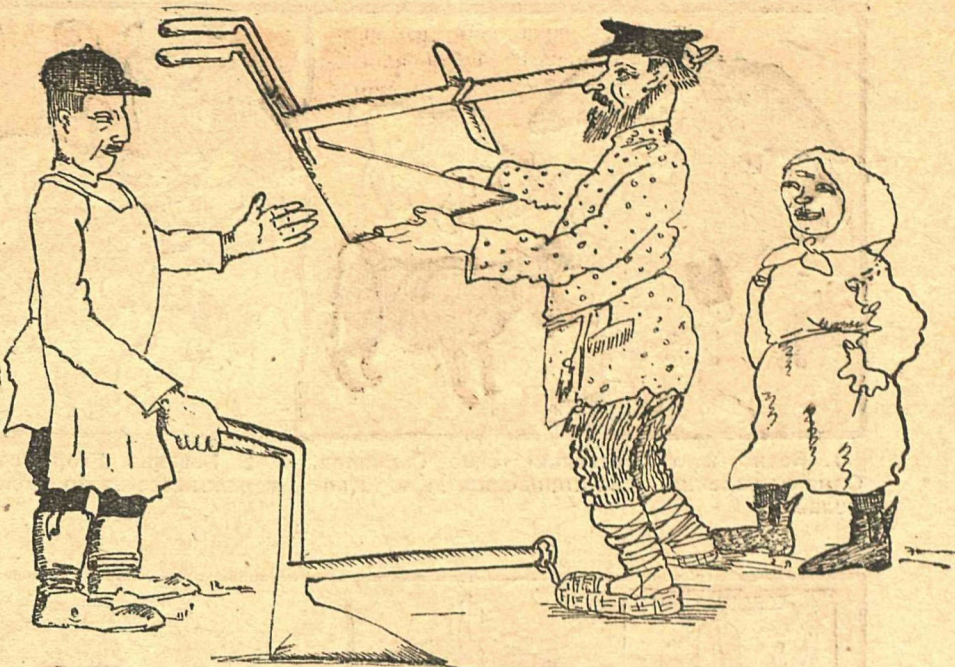
Рис. художника И. Залесского.

Работники Барнаульского ГИК'а в служебной поездке по губернии.

СТАРАТЕЛЬНЫЙ ШЕФ.

Рис. художника Александра.

— Товарищи! Как, значит, вы наши шефы, а мы, значит, ваши подшефы, то изготовили вы нам плуги. Но только, как вышли мы на работу, то плуги, извиняемся, враз поломались!

— Эх, товарищи! Да разве они для работы сделаны?

— А для чего же?

— Для смычки они сделаны. А не для работы.

(Мытищенский завод и дер. Рубцово, Моск. уезда).

Что содержала в себе таинственная коробка за № 18777? Какая воспоследовала по случаю этой коробки переписка, и с присовокуплением каковых актов и документов? Произошла ли от всего этого какая-либо польза советской казне, и если да, то в размере какой суммы надлежит означенную пользу исчислить?..

Ответы на вышеприведенные вопросы „Крокодил“ откладывает до следующего номера.

Они, конечно, известны „Крокодилу“ и сейчас: недаром же 40 дней и 40 ночей сидела редакция над исследованием бумажного потопа. Но, являясь всего лишь органом печати, а не сов-учреждением, „Крокодил“ не имеет возможности расходовать много бумаги за один присест. Тем более, что Бум-трест, в котором мало порядка... э.. хкм!..

Ну, словом, продолжение—в следующем номере.

Грамен.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Ал. СОЛОВЬЕВУ.—Ты пишешь: „На будущий раз буду лаконичнее“. Мы сразу лаконичны!—Длинно. Не пойдет.

БЭВЭ.— Не знаю, годится ли такого рода вымышленный анекдот. Во всяком случае, рискнул послать“. Рискни еще раз. На этот раз неудачно.

ДОБРИНЕЦ, КАТКОВ, ИГНАТЬЕВ, КЛИШКО, ОСА.— Не пойдет.

Ф. ЗУЙКОВУ.— Аэро-письмо принято. Шли еще.

В. ШИШКИНУ.— Зачисляем в крокоры. Пиши корреспонденции из жизни заводов, фабрик.

В. МЕДОВНИКОВУ.— Присланное письмо не пойдет. Пиши простым языком, безо всяких выкрутас. Сообщай интересные злободневные факты из жизни фабрики.

С. Н. (Екатеринослав).— О календарях пойдет, другая же не пойдет. Давай нам материал из местной заводской жизни, об учрежденных глупостях и т. д. Нужен материал и о деревне, председателем „командования“, о комчанстве и т. д.

ВИТ, Р. (Ярославль).— Ох как надоели „Крокодилу“ Юзы, Чемберлены и вся международная шатия. Написал бы лучше „о местных Юзиках“—куда интересней.

А. БАРАНОВУ.— Обижаетесь, что от меня нет писем. Извини, брат некогда было. Почитай инструкцию „Крокодила“ помещенную в „Крокодиле“ № 4. Пиши больше. Присланный документ неинтересен.

СКАЗ О ТОМ, КАК ЕГОР ПРОСЛЫЛ КУЛАКОМ.

Р. с. К. Ротова.

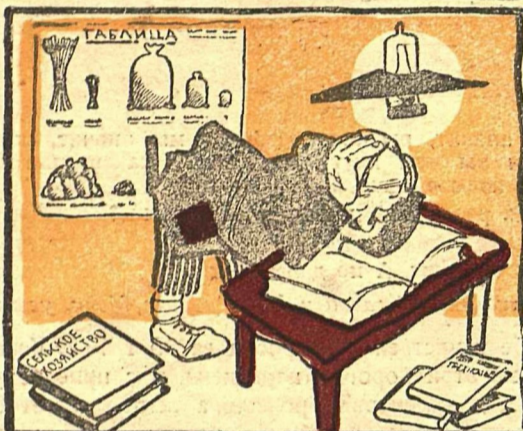
1. Бедно жил крестьянин Егор Самсонов. Одна лошаденка, одна коровенка, да и та комолая.

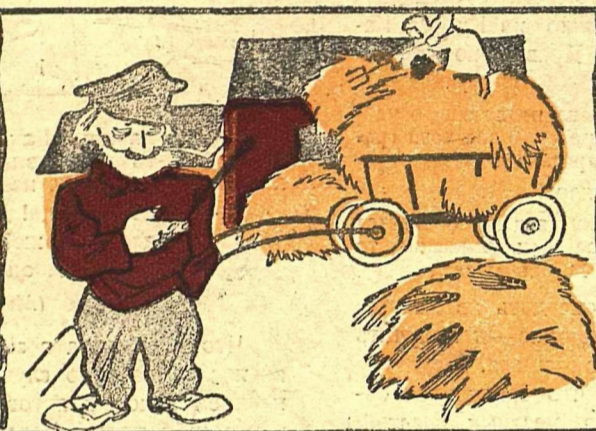
2. Ковыряя Егор землю дедовской сошкой, еле-перебивался на трехполье.

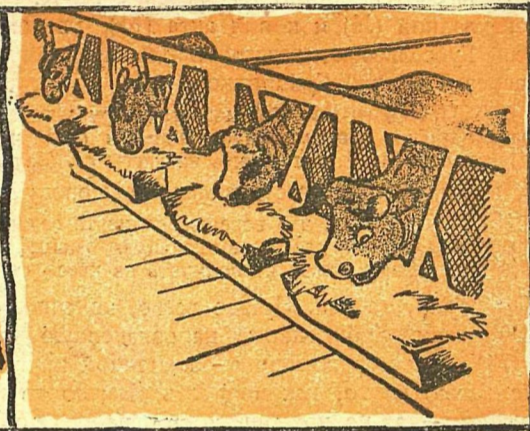
3. — „Так негоже“, — сказал секретарь ком'ячейки. — „Надо поднимать сельское хозяйство. Без того Советская власть стать на ноги не может“.

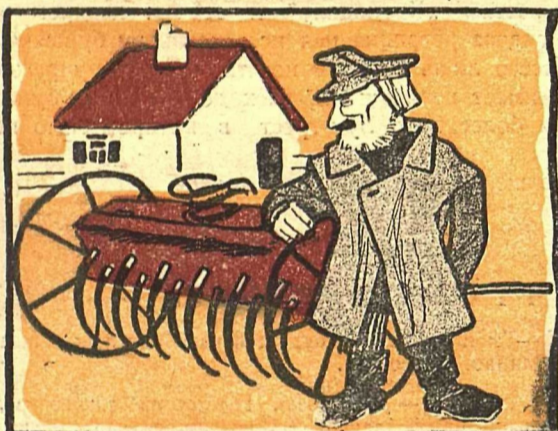
4. Егор был мужик сознательный. Услыхал такие слова, взялся за дело. Завел многополье, удобрения, отбор семян и все, что полагается.

5. Глядишь, спустя время—у Егора полные закрома...

На дворе скотинки прибавилось..

7. Сеялку купил Егор, избу поставил новую...

8. Стали крестьяне на Егорово хозяйство дивиться. Стали с него пример брать, пр...—

9. — „Так негоже, — сказал секретарь ком'ячейки. — На деревне у нас богатеи развелись, кулаки. А первый кулак—Егор Самсонов“.

10. Услыхал Егор такие слова—не стерпело его сердце этой обиды. „Не желаю, — говорит, — быть кулаком! Пожертвую все на Доброхим, опять буду жить с хлеба на квас“.

11. Но секретарь ячейки сказал категорически: — „Не тужи, Егор Самсонов. Ты свое хозяйство поднимал своими же силами“.

12. „Ты есть не кулак, а примерный крестьянин, и тебе от советской власти почет и уважение. Работай, Егор, только чужому хозяйству не вреди“.

Вот и весь сказ. А читатель спросит:—Что же это за секретарь, который один раз говорит одно, а другой раз—другое? Товарищ читатель!.. Погляди-ка на рисунок—секретарь ведь новый. Старого сменили за то, что неправильно посчитал Егора Самсонова кулаком.

А ПОНИМАТЬ РАЗНИЦУ МЕЖДУ КУЛАКОМ И СТАРАТЕЛЬНЫМ ХОЗЯИНОМ—ПЕРВЕЙШЕЕ ДЕЛО ДЛЯ КОММУНИСТА В ДЕРЕВНЕ.